

ББК 87.25

В.А. Ельчанинов

Принцип системности в историко-социологическом исследовании*

V.A. Elchaninov

Systematic Character Principle in Socio-Historical Studies

Статья посвящена принципу системности, наиболее показательному обнаруживающему взаимопроникновение исторического и социологического знания. В настоящее время он чрезвычайно актуализируется в связи с фундаментальными достижениями в области синергетической теории. Рассматриваются основные проблемы синергетической концепции и отмечается возможность перехода к качественно новому этапу развития всего социального познания, связанная с интегративными тенденциями, наблюдаемыми во взаимодействии истории и социологии.

Ключевые слова: принцип системности, структура, синергетика, история, социология.

Наиболее показательному взаимопроникновению исторического и социологического знания обнаруживается в содержании научного принципа системности, который выполняет роль обобщающего, методологического начала в любом научном исследовании.

К его теоретическому анализу мы уже ранее обращались в своей работе «История и социология», опубликованной еще в 1992 г. Но сегодня этот принцип чрезвычайно актуализируется в связи с фундаментальными достижениями в области синергетической теории, инициированной трудами Г. Хакена, И. Пригожина, И. Стенгерс и др., а также свободной публикацией работ нашего знаменитого земляка-социолога П. Сорокина, который еще в середине XX в. внес серьезный научный вклад в так называемую историческую социологию. Эти наработки в нашей стране были подхвачены Б. Ф. Поршневым, Б. Н. Мироновым, Л. М. Дробижевой, Л. А. Лашуком и др., в том числе и автором этих строк.

Традиционно, еще со времен Л. фон Берталанфи и А. Богданова, под системой подразумевался определенный комплекс взаимодействующих между собой элементов, компонентов, подсистем. Причем это не механический комплекс, а органически **целостное** образование, обладающее собственными качественными характеристиками, которые могут не содержаться в частях, образующих данную систему элементов. Такое определение системы полностью соотнобразует со взглядами В. Г. Афанасьева и идеями современ-

The paper discusses systematic character principle that more illustratively demonstrates transfusion of history and sociology. It is now very urgent due to fundamental advances in synergetics. The author studies the main issues of synergetics conception and notes the opportunity for transition to qualitatively new stages of social cognition development. This opportunity is associated with integrative tendencies that can be observed in interaction of history and sociology.

Key words: systematic character principle, structure, synergetics, history, sociology.

ной синергетики, которая рассматривает процесс самоорганизации бытия как динамическое изменение системы систем.

Для обществознания, в частности, истории и социологии, наиболее убедительно функционирование социальной системы можно продемонстрировать на примере так называемой производственной кооперации как качественно своеобразной совокупности взаимодействующих производителей. В этой связи еще К. Маркс подчеркивал, что и «механическая сумма сил отдельных рабочих *отлична* (выделено нами. — В. Е.) от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвуют одновременно в выполнении одной и той же неразделенной операции». В кооперации как системе возникает новая производительная сила, массовая по своей сущности, сам общественный контакт, особое взаимодействие рабочих «вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц» [1, с. 337].

К. Маркс прекрасно осознавал, что связи между составляющими в системе настолько тесны и органичны, что изменение одной вызывает изменение других, а при определенных условиях и системы в целом. Как это гармонично коррелируется с современными синергетическими идеями!

Правда, еще до сих пор некоторые исследователи останавливаются лишь на анализе входящих в систе-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00082а.

му элементов, не учитывая того, что система в целом активно воздействует на эти составляющие, преобразует их соответственно собственной природе. В итоге исходные компоненты могут претерпевать значительные флуктуации, приводя, в конечном счете, даже к потере некоторых свойств, присущих им до вхождения в систему, либо приобретают новые свойства, обусловленные потребностями системы в целом. Более того, при образовании целостной системы нередко образуются новые элементы, ранее отсутствовавшие вовсе.

Для того чтобы действительно познать систему, необходимо раскрыть ее внутреннее строение, что нельзя сделать, не установив достоверно *всю* совокупность компонентов, которые ее образуют, не поняв ее структуры и функций, а также тех сил и факторов, которые обеспечивают ее *данную* качественную целостность и относительную самостоятельность.

Сущность и значимость системного подхода в познании социальных явлений едва ли можно понять без уяснения определенного рода аспектов, которые неизбежно возникают перед любым исследователем системных образований.

В частности, с нашей точки зрения, чрезвычайно важно учитывать и глубоко понимать так называемый системно-структурный аспект. Если с определением понятия «система» мы выше разобрались, то важно определить значение термина «структура». Структура обозначает характер организации системы. В этом смысле нельзя отождествлять понятие «структура» с философским содержанием термина «форма», что иногда допускают некоторые исследователи.

Качественное своеобразие структуры в первую очередь зависит от природы составляющих систему компонентов. Но будучи обусловлена специфической природой этих элементов, структура играет и относительно самостоятельную роль в системе, способствуя ее стабильности и устойчивости при возможных изменениях в составе компонентов.

Если рассматривать структурную организацию систем, то она выявляется в совокупности общественных отношений как материального, так и духовного порядка. В соответствии с материалистическим истолкованием исторического процесса структуры любой общественной системы определяются, в конечном счете, производственными отношениями.

Однако люди в обществе действуют не только в непосредственной производственно-экономической сфере, но и в социально-политической, семейно-бытовой, идеологической, разнообразной духовной деятельности. Отсюда вполне естественно существование и других специфических структур, обладающих своими особенностями и несущих на себе печать той качественной определенности общества как целостной системы.

Поскольку мы касаемся теоретического анализа общего учения о системности мира, которое оказывается применимым и к общественным явлениям, то, очевидно, не нужно доказывать тот факт, что каждая социальная система всегда деятельна, активна благодаря функционированию составляющих ее элементов, что приводит к своеобразному изменению системы в целом. Строго говоря, функции системы выступают как интегративный результат функционирования ее компонентов. (Об интегративном аспекте речь пойдет ниже.) При этом следует также видеть, что характер функционирования составляющих в решающей степени является результатом воздействия на них функций системы как целого. Более того, функциональные потребности общественного характера могут вызывать к жизни, создавать новые компоненты системы. Функциональные зависимости в системе чрезвычайно сложны и многообразны: это и отношения между отдельными компонентами, и зависимости между этими компонентами и системой в целом, между данной системой и другой, более широкой, в которую она входит.

Для социолога и историка важно также видеть и понимать, что одни элементы функционируют одновременно, а другие последовательно, т. е. функции компонентов согласуются не только в пространстве, но и во времени.

Принято различать координацию функций и их субординацию, т. е. соподчиненность. Координируют, например, характер своей деятельности члены того или иного трудового коллектива (цеха, учреждения или завода). О субординации функций свидетельствует неравнозначность компонентов системы. Одни из них занимают подчиненное, зависимое положение по отношению к другим, а некоторые равнозначное, и, наконец, нельзя не видеть подчиненности всех без исключения составляющих требованиям системы в целом.

Наиболее наглядное представление о функциональной субординации в системе дает производственная деятельность. Составляющими компонентами процесса труда являются прежде всего сам труд производителя как процесс расходования рабочей силы, предмет труда и средство труда. Среди этих компонентов важнейшими являются средства труда и связанные с ними технологии, приобретенные в наше время решающее значение. Последнее достаточно аргументированно доказали зарубежные социологи Э. Тоффлер, Д. Белл и др.

В свое время еще К. Маркс писал, что экономические эпохи «различаются не тем, что производится, а тем, как **производится**» (т. е. технологический фактор автором подразумевался. — В. Е.). Он считал, что «средство труда — не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» [1, с. 191].

Подчеркивая значение функциональных связей, следует, однако, предупредить, что их нельзя отождествлять с причинными связями, а необходимо находить те функции, которые могут быть прямыми или косвенными, необходимыми или случайными причинами других явлений. Когда социолог или историк обращается к анализу тех или иных общественных образований, систем, то он должен всегда помнить, что каждая из них представляет собой сложную взаимозависимость функциональных либо причинных отношений.

Любая система, и тем более социальная, представляет собой интегративное целое, обладающее устойчивостью и в то же время динамичностью. К числу механизмов и факторов, которые обеспечивают сохранение качественной специфики системы и иницируют ее функционирование и развитие, является способность к самоорганизации и самоуправлению. Поскольку для всего объективного мира существенной характеристикой является его эволюционность, первоначально замеченная Ч. Дарвином еще в середине XIX в. в живой природе, а в XX в. стало общепризнанным свойством и неорганической природы, в частности, космоса, микромира и даже научного знания (К. Поппер, Т. Кун, П. Фейерабенд и др.). На эволюционном характере изменений в мире построены все основные идеи современной синергетики, которая при этом утверждает, что для сложноорганизованных целостных систем характерна не единственная линейная перспектива развития, а множественность (альтернативность, многовариантность), что не исключает момент их строгой количественной и качественной заданности. При этом система содержит в самой себе возможности выбора наиболее оптимальных из них.

Кроме того, эти сложноорганизованные системы оказываются непрограммируемыми, т. е. им нельзя навязывать пути их развития. Можно только понять, как возможно способствовать тенденциям их собственного развития. Недаром это наличие самоуправляемого развития получило в синергетике название «принцип кормчего». Пока еще человеческий разум очень далек от того, чтобы сделать мировой эволюционный процесс управляемым. Однако в силах человека *понять* и, возможно, организовать систему воздействия на природу и общественные процессы так, чтобы обеспечить желанные тенденции развития системы.

Поскольку, как мы уже отметили выше, для сложных саморазвивающихся систем существует множественность альтернативных путей развития, то с выбором пути в точках их выявления, называемых бифуркациями, возникает некоторое напряжение, состояние крайней неустойчивости, которую синергетики называют «предопределенностью», «преддетерминированностью» дальнейшего развития системы.

Взаимодействие системы с внешним миром, ее «погружение» в неординарные, неравновесные условия может стать исходным пунктом для формирования новых динамических состояний, так называемых диссипативных структур (диссипация — рассеяние). Основным свойством диссипативной структуры является необычайная чувствительность к всевозможным факторам, в том числе и совершенно случайным и в связи с этим необычайная неустойчивость, т. е. неравновесность.

Эта конструктивная роль процессов диссипации в образовании нелинейных систем, стремящихся к самоорганизации, и ведет, говоря словами одного из основоположников синергетического учения И. Пригожина, к возникновению порядка из хаоса.

Вблизи точек бифуркации в системах наблюдаются значительные флуктуации (возмущения). При этом системы как бы колеблются перед выбором оптимального варианта дальнейшего движения. Даже незначительная флуктуация может послужить началом изменений в совершенно неожиданном новом направлении, которое резко изменит все дальнейшее поведение системы.

В диссипативном поле неизбежно возникают так называемые аттракторы — центры, притягивающие множества или отдельные элементы в точку скопления. Происходит неизбежное и невольное сползание в эту точку. Аттракторы стягивают и концентрируют вокруг себя все стохастические или, говоря другими словами, случайные элементы, тем самым способствуя структурированию среды, выступают необходимыми участниками создания порядка из хаоса.

Любые природные, а тем более социальные процессы имеют стохастическую, вероятностную составляющую и протекают в условиях той или иной степени неопределенности, т. е. сложные структурные образования в природе и обществе являются одновременно и необходимо детерминированными, и случайными.

В синергетике также утверждается, что будущее свое состояние система организует, формирует, изменяя ее наличное, существующее состояние. Причем в точке бифуркации зависимость настоящего, а также и будущего от прошлого практически исчезает.

По мере усложнения организации систем происходит одновременное ускорение процессов развития и естественное понижение уровня их стабильности и устойчивости. В применении к социальной среде следует отметить, что в любых состояниях ее неустойчивости действия каждого отдельного человека могут существенно влиять на динамику макросоциальных процессов. Отсюда теоретически по-новому можно рассматривать фундаментальную проблему исторического процесса — роль народных масс и личности в истории.

И это только лишь основные проблемы синергетической концепции. А сколько еще осталось не рассмотренных нами — не перечислить в сколь угодно обширной статье.

Для конкретизации вышесказанного можно использовать пример с исследованием известного в нашей стране социолога — академика Т. И. Заславской. Избранный нами принцип системности она удачно и плодотворно использовала в изучении так называемой деревни еще в советский период. Перед ее исследовательским коллективом была поставлена сложная и трудная задача получения цельной характеристики реальных связей деревни с обществом, ее внутренней структуры, которая смогла бы объяснить механизм функционирования и развития деревни.

Феномен «деревня» был определен Т. И. Заславской как «специфический элемент социально-поселенческой структуры общества, исторически возникший с отделением промышленности от земледелия, отличающийся от города преимущественной занятостью населения в сельском хозяйстве и связанный с обществом социальными отношениями, содержание которых определяется господствующим способом производства и действующей общественно-политической системой» [2, с. 25–27]. В таком контексте авторы исследования поставили методологическую задачу представить деревню как сложную и противоречивую динамическую систему.

В связи с этой исследовательской задачей деревня как система как бы вычленяется из более широкой системы, которой является общество в целом. Уже давно известно, что одним из основных признаков системного объекта является его целостность. Поддержание целостности деревни как системы осуществляется через некоторый набор функций, реализация которых рассматривается как системообразующий фактор. Таким образом, мы приходим к выводу, что фокус исследовательской деятельности перемещается. Он направлен не на самого представителя деревни, а на производственно-организационные формы его жизнедеятельности.

Это выразилось в том, что авторы исследования использовали способ выделения так называемых подсистем в общей и целостной системе. «Под “подсистемой” деревни, — указывают авторы исследования, — мы понимаем специфическую совокупность социальных объектов, которая а) упорядочена по функции, выявляемой в сфере общественного воспроизводства, б) включает в себя деятельность формальных организаций (предприятий, учреждений, ведомств), в) характеризуется специфическими целями, объектами приложения, используемыми средствами и способами деятельности, а также полученными результатами» [3, с. 63].

Для вычленения подсистем и определения их границ была применена следующая процеду-

ра: «Деятельность сельского населения, социальных институтов и организаций деревни описывалась (на уровне перечня признаков, а не их количественных значений) довольно широким кругом показателей. В результате большую часть показателей удалось объединить в блоки, теснота связи внутри которых была в несколько раз выше, чем вовне. При этом в каждой блоке объединились характеристики как деятельности формальных организаций определенного профиля, так и соответствующих форм поведения населения, т. е. именно те элементы, сочетание которых и образует подсистему деревни в определенном выше смысле» [3, с. 64].

Таким образом, на основании перечисленных критериев учеными-социологами было выделено шесть подсистем: 1) общественного материального производства; 2) личного подсобного хозяйства; 3) демографическая; 4) образования; 5) материального потребления и быта; 6) духовного потребления и досуга. В свою очередь, в каждой подсистеме вычленили элементы, в качестве которых рассматривались цели, объекты, средства, способы (методы) и результаты индивидуальной человеческой деятельности [3, с. 80].

Каждая подсистема деревни представляет собой специфическую совокупность объектов, упорядоченную по функциям, которые выполняются в процессе общественного воспроизводства деревни. Как мы уже отмечали выше, это значит, что системообразующим фактором каждой подсистемы является функция соответствующей формы деятельности в социальном воспроизводстве деревни, точно так же, как системообразующим фактором деревни являются функции, выполняемые по отношению к обществу.

Примерно по такому же сценарию была предпринята попытка системно изучить характер деятельности рабочего класса, описанная в работе А. В. Санцевича «Методика исторического исследования» [4]. Однако сделано это было со значительными изъятиями, что обесценивает большую и кропотливую работу историков и социологов, и она существенно проигрывает исследованию, проведенному под руководством Т. И. Заславской по изучению крестьянства.

Нам думается, что наиболее очевидна близость и даже общность познавательных возможностей системного анализа при сопоставлении так называемой современной (или еще иногда называемой текущей) истории и социологии.

В этом случае и у историка, и у социолога оказывается один и тот же объект исследования, но интересующий их с разных сторон. Историка он интересует с точки зрения уникального, по крайней мере, особенного во всем своем богатстве проявлений. Социолога же — со стороны общих свойств, черт, тенденций, наконец, закономерностей, где конкретная личность не столь важна и значима.

Одной из важнейших особенностей, характеризующей исследовательскую деятельность историка, изучающего современный исторический процесс, является то, что у него в распоряжении оказывается огромное разнообразие и количество источников информации. И главная трудность и задача его заключается в отборе из этого потока той системы сведений, которая бы адекватно соответствовала самой изучаемой системе. Поэтому вполне справедливо в этом отношении замечание А. В. Санцевича, что «системность — это не столько всеобщность охвата фактического материала, сколько структурно-целостное по основным и наиболее существенным внешним и внутренним связям исследование исторического объекта, процесса, явления» [4, с. 73–74].

Социолога, обратившегося к историческому материалу, поджидает довольно существенная трудность, которая заключается в следующем. Ведь для того, чтобы исторический материал «заговорил» с достаточной репрезентативностью и доказательностью, необходимо по социологическим меркам собрать фактические сведения о достаточно значительном, а лучше полном количестве единиц наблюдения, относящихся к изучаемой социальной группе. Как известно, это делается с помощью уже разработанной теории выборки.

Но в том-то и дело, что в историко-социологическом исследовании, где фактическая база, как правило, ограничена немногочисленными фрагментарными либо односторонними письменными источниками, очень трудно обеспечить требуемую теорией надежность и репрезентативность выборки. Все это, несомненно, затрудняет процесс социологического исследования, делает его более релятивным, нежели в работе социолога, имеющего дело с современным ему историческим материалом.

В исторической социологии довольно часто возникает необходимость изучить по стадиям эволюцию состава социальных групп. Для этого в социологии

существует ряд отработанных методик: через выделение поколений, через констатацию временных интервалов и др.

Например, известный отечественный медиевист Ю. Л. Бессмертный при изучении эволюции северофранцузского дворянства в XII–XIV вв. опирался на такой обнаруженный им массовый источник, как описи пожалований вассалам (фьефов), и в их анализе он применил метод определения неизвестных параметров всей изучаемой по данным выборочных наблюдений. На основе выборок, полученных путем случайного отбора, он сумел вычислить доверительные интервалы (минимальный и максимальный пределы) по таким показателям, как состав фьефов и соотношение имущественных групп среди сеньоров. В результате при меньших затратах, нежели требовалось бы при сплошной обработке описей, ему удалось выявить, во-первых, имущественный состав дворянства, во-вторых, реальную степень его имущественного расслоения.

Как справедливо отмечал С. А. Мадиевский, «при изучении многих социальных групп, существовавших в прошлом, особенно при социологическом анализе их эволюции на протяжении нескольких эпох, неизбежно и применение описательно-иллюстративного метода» [5, с. 16], который и свойствен исторической науке.

К описанным трудностям можно добавить еще более сложные обстоятельства, когда и социолог, и историк обращаются к социально-психологическим и индивидуально-психологическим проблемам человеческого бытия. Но это особый план рассмотрения, который не входил в нашу задачу. Мы лишь считаем возможным выразить надежду, что те интегративные тенденции, которые наблюдаются во взаимодействии истории и социологии, приведут к качественно новому этапу развития всего социального познания.

Библиографический список

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Сочинения: в 30 т. — 2-е изд. — М., 1960. — Т. 23. — Т. I, кн. 1.
2. Методологические проблемы системного изучения деревни. — Новосибирск, 1977.
3. Проблемы системного изучения деревни. — Новосибирск, 1975.
4. Санцевич А. В. Методика исторического исследования. — Киев, 1984.
5. Мадиевский С. А. Методология и методика изучения социальных групп в исторической науке. — Кишинев, 1974.